

ЦИРКУЛЯРНЫЕ ПИСЬМА СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ I УПРАВЛЯЮЩИМ ЕПАРХИЯМИ О ВНУТРИЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ РУБЕЖА 40–50-х гг. XX в.

Подмарицын Алексей Геннадьевич

докторант кафедры Российской истории ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет»; кандидат исторических наук (г. Самара, Россия)

Несколько лет назад была опубликована обширная документальная подборка писем Патриарха Алексия I в совет по делам Русской Православной Церкви при СМ СССР (СДРПЦ) послевоенного времени (1954–1970 гг.) [1]. По причине недоступности как центральных, так и немногочисленных провинциальных церковных архивов, сохранивших материалы после 1945 г., данная публикация является ценнейшим источником по внутрицерковной истории и истории отношений с советскими властными структурами.

Настоящей публикацией хотелось бы обратить внимание исследователей истории РПЦ на ещё одну разновидность церковно-исторических источников – циркулярных писем Патриарха Алексия I епархиальным преосвященным. Некоторые из них сохранились в виде циркулярных рассылок СДРПЦ своим региональным уполномоченным. Для анализа содержания были привлечены циркулярные письма, разосланные от имени Патриарха Алексия I архиереям и датированные 18 декабря 1953 и 1 января 1954 г.

Первое из них имело побудительной причиной возросшее число жалоб и анонимных доносов на управляющих епархиями и духовенство. Большая часть их была анонимна, либо подписана фиктивными фамилиями с фиктивными же адресами. Святейший Патриарх указывал, что анонимки не подлежат рассмотрению, по общепринятой и известной с древности практике. При этом он ссылаясь на письмо императора Траяна к Плинию.

Однако, сообщал святитель, анонимки направляются патриархией лицу, на которое принесена безвестная жалоба, для сведения. К циркуляру для ознакомления, приложено несколько резолюций Патриарха более раннего времени: «Анонимным письмам и жалобам Патриархия значения не придает, и если их посылает тем, против кого они направлены, то только для осведомления, а не для дачи по ним объяснения» (Резолюция от 3 июня 1949 г.); «Прошу Преосвященного не принимать к сердцу выступлений кучки лиц нецерковных, недисциплинированных и грубых. Что касается анонимных писем, то им мы не придаем никакого значения, я даже их не читаю. Если мы их посылаем архиерею, то только для того, чтобы он был осведомлен. Не может быть и речи о том, чтобы имели для нас какое-либо значение злобные выступления безответственных лиц» (от 4 мая 1950 г.); «Жалобы на духовенство потоком идут почти из всех Епархий. По большей части эти жалобы – анонимны или с вымышленными адресами. Оставлять их без внимания я не всегда нахожу удобным и посылаю их к сведению Преосвященных. Как они, Преосвященные, должны относиться к этим жалобам? Я полагаю, что им следует принять их во внимание и по возможности без особого шума, проверять данные, указуемые в

жалобах. Часто при этом можно обнаружить лживость доносов и цели доносчиков и самих доносчиков, и в связи с этим – принять те или другие меры. Давать какие-либо общие распоряжения из центра – едва ли действительно, т. к. эти распоряжения вряд ли и дойти могут до тех кругов откуда, обычно идут жалобы» (от 24 декабря 1951 г.) [2, л. 6]. Патриарх указывал на основные побудительные мотивы жалобщиков – существование на многих приходах прихожан, которые «имеют стремление вмешиваться в дела приходской жизни, касающиеся не их, а только духовенства данного прихода», особенно это проявляется в стремлении таких деятелей быть причастными к церковным финансам [2, л. 3]. Отстранение их всегда приводило к бесконечным жалобам и инсинуациям, «они неустанно ждут случая найти повод для жалоб, чтобы очернить неугодных им лиц, в частности и прежде всего – священнослужителей, рассчитывая на то, что их клеветнические доносы могут достигнуть цели и повредят тем, на кого они клеветают» [2, л. 3].

Патриарх рекомендовал приходскому духовенству и местному архиерею не давать таким кляузникам малейшего повода для организации склок: «в не благоговении к святыни, или в корыстных действиях, или в небрежном отношении к своим священным обязанностям, или в безнравственных поступках» [2, л. 4]. Кроме того, он советовал через благочинных сделать гласной для приходов патриархийную практику не принимать для рассмотрения анонимки или фиктивно подписанные жалобы, а также ответственности авторов жалоб за изложение заведомо ложных сведений [2, л. 4].

Второе письмо, от 1 января 1954 г., предваряется поздравлениями епархиальных преосвященных с грядущими праздниками Рождества и Новолетия. Основная его тема – нестроения в регионах, проявившиеся в результате неосмотрительных действий архиереев. В письме Патриарх упоминал о вещах, доселе неслыханных: архиереи новой, послевоенной генерации, в отличие от своих немногочисленных коллег более раннего поставления, периодически требовали себе отпусков. При этом иные из них ссылались на существовавшую советскую практику ежегодных отпусков рабочим и служащим. Ряд владык по долгу отсутствовали в своих епархиях, а иные, хоть и присутствовали, но крайне редко совершали богослужения «наверно полагая, что частые служения не свойственны высокому положению Епископа!!!» [2, л. 9].

Некоторые из новопоставленных епископов допускали грубые нарушения канонических вопросов, относящихся к клирикам: не требовали отпускных грамот от приходящих, и сами не давали таковые духовенству, покидавшему епархию; неосмотрительно и спешно допускали крайние меры церковных прещений, вплоть до лишения сана; своевольно раздавали иерархические награды, в том числе и те, прерогатива на которые существует лишь у Патриарха. «А некоторые Преосвященные, как нам известно, и в службе церковной самочинно допускают особенности, присвоенные лишь Патриаршему служению» [2, л. 8].

В области управления епархией часть архиереев допускала раздутость штатов епархиального управления и архиерейского дома. Патриарх недоумевал по поводу нагромождения должностей, причём иные из них именовались достаточно курьёзно: деловод, библиотекарь нот, снабженец, технический ра-

ботник, заведующий ремонтным столом, смотритель здания, официантка. «Непонятно, почему в одних Епархиях эти должности считаются необходимыми, а в других обходятся без них. Патриархия вышлет единообразный для всех Епархий список служащих в каждом Епархиальном Управлении, и его надо будет держаться» [2, л. 8].

Нестроения коснулись и образа жизни иных епископов и берущего с них пример духовенства. Патриарх цитировал одного преосвященного; «Приходится сознаться, – пишет один архиерей, рассуждая о современных стремлениях иных духовных лиц к широкой, малодуховной, жизни, – что духовенство является предметом осуждения и со стороны внешнего его обихода: нарождается-де новый класс капиталистов» [2, л. 10].

Верующие, по мысли Святейшего, «с большой чуткостью воспринимают духовный облик архиерея, замечая малейшие черты его, как положительные, так и отрицательные, как в служении, так и в быте» [2, л. 11]. Завершая своё послание, Патриарх указывал на то, «чтобы архиерей в первую очередь, а за ним и духовенство, больше обращали внимания на порученное дело Божие – Церковное, а не ставили свои личные удобства и заботы о благах земных выше данного им Богом церковного послушания» [2, л. 11].

Таким образом, циркулярные письма Патриарха Алексия I, безусловно, прошедшие цензуру совета по делам РПЦ, тем не менее, являются достоверным и информативным источником по церковной истории послевоенного периода.

Литература

1. Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970 гг. Т. 1–2 / под ред. Н.А. Кривовой ; отв. сост. Ю.Г. Орлова ; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко. – М. : РОССПЭН, 2009–2010.
2. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. Р-4187. Оп. 2. Д. 32.